

неукоснительно соблюдаться воюющими сторонами, потому что под угрозой наше будущее — дети.

1 См.: Кальсховен Ф. Ограничение методов и средств ведения войны. - МККК, 1994. - С. 118.

2 Платтнер Д. Дети и война // Защита детей в международном гуманитарном праве. - МККК, 1995. - С. 8.

3 См. Там же. - С. 9 - 10.

4 Дутли М.Т. Дети и война // Дети - комбатанты, захваченные в плен // — МККК, 1995. - С. 71.

5 Платтнер Д. Указ. соч. - С. 16.

ПРОБЛЕМЫ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

А.Х. Мавлонов*, **А.Б. Мезяев****

Как известно, с 1 января 1997 года вступил в силу новый Уголовный Кодекс России. В нем впервые выделены в отдельную главу так называемые “международные преступления”. Глава 34 УК РФ озаглавлена “Преступления против мира и безопасности человечества” и включает в себя 8 составов преступлений, каждый из которых является актом имплементации в российском уголовном законодательстве норм международного права. Часть составов (например, статьи 353, 354, 356) уже были имплементированы в усеченном виде в УК РСФСР 1960 года, а часть (например, статьи 357, 358, 359) — впервые включаются в российский уголовный кодекс. Приветствуя, в целом, сам факт реализации международного права в новом УК России, нам бы хотелось обратить внимание на ряд серьезных проблем, касающихся качества этой имплементации.

1. АГРЕССИЯ

Первые две статьи рассматриваемой главы посвящены уголовному преследованию агрессии — ст.353 — за планирование, подготовку, развязывание или ведение агрессивной войны, и

* Член Российской Ассоциации Международного права. Соискатель кафедры международного права Казанского Государственного Университета

** Старший преподаватель кафедры конституционного и международного права Татарстанского института содействия бизнесу (г. Казань).

ст.354 — за публичные призывы к развязыванию такой войны. В Уставе Нюрнбергского Трибунала агрессия определена как “планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений”, а также “всякое участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из упомянутых действий”. В то же время XXIX сессия Генеральной Ассамблеи ООН приняла в 1974 году Резолюцию “Определение агрессии”. По этому акту агрессия — есть применение “вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства или каким-либо другим образом несовместимой с Уставом ООН . . . “2 Соответствующая статья проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества текстуально повторяет определение агрессии по Резолюции ГА ООН³.

Интересно, что новый Уголовный Кодекс России сформулировал состав преступления агрессии в соответствии с Уставом Нюрнбергского Трибунала, а не в соответствии с Резолюцией ГА ООН и проектом Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества (ПМБЧ). Хорошо это или плохо? Уверены, что это — шаг назад. Конечно, без комментариев и толкования термина “агрессивная война” не обойтись. Видимо, его все-таки, будут трактовать в соответствии с Резолюцией 1974 года (и, в случае принятия, в соответствии с Кодексом ПМБЧ). Многие комментарии нового УК России уже ссылаются именно на эти акты⁴. Но комментарии и другая научная литература не носят обязательного характера.

Давайте задумаемся, кто реально является основным субъектом данного состава преступления? Очевидно, что им могут быть только высшие руководители государства и армии — президент, премьер-министр, министр обороны и т.д. В этой связи проблема толкования термина “агрессивная война” может стать непреодолимой силой для привлечения преступников к суду. И это — не абстрактное предложение, ведь нечто подобное уже произошло в нашей недавней истории, когда “события” в Чечне официально были названы не “войной”, а “восстановлением конституционного порядка” и, соответственно, не подпадали под действия УК.

Конечно, в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, даже если бы норма Уголовного Кодекса устанавливала бы иное, чем в международном договоре, правило, должен применяться именно договор. Но готовы ли наши суды (морально и по своей квалификации) применить норму международного договора в случае ее противоречия с нормой УК? Ответ вполне очевиден.

Кроме того, резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, в соответствии со всеми учебниками международного права, не носят обязательного характера. Профессор И.И.Лукашук блестяще доказал, что это не совсем то, но многие ли судьи читали его книги? Они учились по учебникам.

В общем, очевидно, что статья об агрессии нуждается в уточнении. Наиболее оптимальным решением было бы дополнение статей 353 и 354 упоминанием о том, что термин “агрессивная война” толкуется в соответствии с Резолюцией ГА ООН 1974 года (а с принятием Кодекса ПМБЧ — дать ссылку на него).

2. ГЕНОЦИД

Определение геноцида дается в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 года. Согласно этому акту, геноцид — “действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу, как таковую”, в частности - убийства, причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства, предумышленное создание таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение, меры, рассчитанные на предотвращение деторождения, насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую .

Точно так же квалифицируется геноцид в проекте Кодекса ПМБЧ (ст.19) и в Уставах новых Международных Трибуналов по Югославии⁷ (ст.4) и Руанде⁸ (ст.2).

Мы считаем также, что в соответствии с новыми тенденциями, необходимо дополнить состав преступления геноцида и политическим признаком. Ибо в последнее время особо частыми становятся акты геноцида не только на национальной, этнической и религиозной основе, но и по политическим причинам.

Статья 357 УК РФ, в целом, повторяет определение геноцида, данное Конвенцией 1948 года и проектом Кодекса ПМБЧ, а также Уставами Международных Трибуналов. В то же время вызывает озабоченность, что Уголовный Кодекс РФ заменил ряд положений международного права на “свои”, например, в международных актах говорится о “причинении серьезных телесных повреждений или умственного расстройства, а в УК РФ — о “причинении тяжкого вреда здоровью”. Новый УК ввел также новый признак — “насильственное переселение”.

По новому Уголовному Кодексу РФ за геноцид предусмотрены от 12 до 20 лет лишения свободы либо смертная казнь. По поводу смертной казни считаем своим долгом сказать особо. Да, такой вид наказания, как смертная казнь не противоречит принципам Нюрнбергского Трибунала. Более того, он соответствует

ему. Можно сказать, что данный Нюрнбергский принцип успешно имплементирован в национальное право России. Но должны ли мы в данном случае радоваться по этому поводу? Уверены, что нет.

Конвенция 1948 года называется не только конвенцией о наказании за геноцид, но и о предупреждении преступления геноцида. Как показывает практика, в том числе особенно последних лет, угроза смертной казни не останавливает преступников, совершающих акты геноцида. Значит, побудительные мотивы геноцида, как самого страшного преступления, еще недостаточно предупреждаются — расовая, национальная, религиозная, политическая ненависть оказывается сильнее даже страха собственной смерти. И само наличие смертной казни не способствует решению долговременной задачи — воспитание толерантности и терпимости. Рискнем выдвинуть утверждение, что имплементация данного принципа Нюрнберга является серьезной ошибкой. Общая тенденция в современном мире — также отказ от смертной казни, и в том числе эта тенденция просматривается в Уставах двух современных международных трибуналов — Югославском и Руандийском.

В заключении рассмотрения этого принципа нам бы хотелось процитировать профессора А.В. Наумова, его призыв — “Попытаемся же изменить что-либо в этой системе и, может быть, новый подход (установление абсолютного запрета на лишение жизни человека) когда-нибудь, пусть не скоро, все-таки даст положительный результат и поможет предотвратить для кого-то новую трагедию”⁹.

3. ВОЕННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ИЛИ НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОВ ИЛИ ОБЫЧАЕВ ВОЙНЫ

По Уставу Нюрнбергского Трибунала (ст.6) военные преступления это:

- убийства;
- истязания;
- увод в рабство и для других целей гражданского населения оккупированных территорий;
- убийства и истязания военнопленных;
- убийства заложников;
- ограбление общественной и частной собственности;
- бессмысленное разрушение городов и деревень;
- разорение, не оправданное военной необходимостью;
- другие преступления.

Здесь необходимо отметить, что квалификация военных преступлений со времен Нюрнберга подверглась наиболее серьезным изменениям. Проект Кодекса ПМБЧ (ст.22) говорит об исключительно серьезных военных преступлениях и в целом,

этим преступлением является исключительное серьезное нарушение принципов и норм международного права, применяемого в вооруженных конфликтах. Далее приводится закрытый перечень актов, существенно изменяющий перечень актов по Нюрнбергскому Уставу. Так, если в перечне Нюрнбергского Трибунала говорится об убийстве заложников, то в проекте Кодекса ПМБЧ — о захвате заложников.

Новый Уголовный Кодекс России (ст.356) квалифицирует военные преступления как “применение средств и методов ведения войны”, что включает:

1. жестокое обращение с военнопленными и гражданским населением;
2. депортацию гражданского населения;
3. разграбление национального имущества на оккупированной территории;
4. применение в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международным договором РФ;
5. применение оружия массового поражения, запрещенного международным договором РФ.

Как видим, налицо существенное расхождение в квалификации военных преступлений международно-правовыми актами и по УК РФ.

Кроме того, абсолютно необходимо дать юридическую квалификацию термина “война” (в названии статьи) и “вооруженный конфликт” (в тексте статьи). Ибо, как нами уже отмечалось выше, эта неопределенность может быть препятствием для наказания военных преступников.

Развязывание российскими властями войны или, если угодно, вооруженного конфликта в Чечне предельно обострило этот вопрос. Провозгласив войну официально “восстановлением конституционного порядка”, российское руководство вывело себя из-под действия национальных уголовно-правовых норм, но не вывело из-под действия норм международного права. Однако суды дезориентированы. Кроме того, возникает вопрос в связи с уже объявлявшимися амнистиями и готовящейся еще одной амнистией. Возможно ли вообще объявлять амнистию за совершение международных преступлений?

Таким образом, рассматривая в целом составы международных преступлений в новом Уголовном Кодексе России, можно сделать следующий вывод: по многим положениям нормы российского уголовного права не соответствуют нормам международного права. На наш взгляд, не все коллизии можно разрешить с помощью формулы ч.4 ст.15 Конституции РФ. В ряде коллизий будет необходимо применять общие принципы права и обычное

международное право. И этой связи хотелось бы особо выделить следующий принцип международного уголовного права: “Все лица, совершившие международное преступление несут ответственность по международному праву, независимо от того, предусматривает ли внутреннее право соответствующих стран наказуемость таких действий или нет”¹⁰. В современном международном праве этот принцип развит Комиссией международного права ООН в проекте Кодекса ПМБЧ (ст.2 — “Квалификация”) — “Официальный статус лица, совершившего преступление против мира и безопасности человечества, в частности тот факт, что он является главой государства или правительства, не освобождает его от уголовной ответственности”. А также: “Квалификация какого-либо действия или бездействия в качестве преступления против мира и безопасности человечества не зависит от национального права. Тот факт, что какое-либо действие или бездействие наказуемо или ненаказуемо в соответствии с внутригосударственным правом не затрагивает эту квалификацию”

Таким образом, ключ к разрешению коллизий в виде общего принципа международного уголовного права есть. Нашим судам остается лишь беспристрастно, а кое-где даже бесстрашно, начать применять закон. А бесстрашие им понадобится, ибо еще много пресупников облачены высшими государственными постами. Под силу ли такая задача нашему правосудию?⁷...

1. “Действующее международное право”, т. 3, М., Издательство Независимого Института международного права, 1997, с. 764-765.

2. Там же, т. 2, с. 199-202.

3. Проект Кодекса ПМБЧ см.: Панов В.П., “Международное уголовное право”, М., “Инфра-М”, 1997, с. 223-225.

4. См., например: “Комментарий к Уголовному Кодексу РФ”, отв.ред. Скуратов Ю.И., Лебедев В.М., М., “Инфра-М”, 1996, с. 782. “Новое уголовное право России. Особенная часть”. под ред. Кузнецовой Н.Ф., М., 1996, с. 381-382.

5. Лукашук И.И., “Международное право в судах государств”, СПб, 1993, с. 184-194.

6. “Действующее международное право”, т. 2, с. 68.

7. “Российский ежегодник международного права, 1992”, СПб, 1994, с. 244.

8. “Московский журнал международного права”, 1996, № 1, с. 227-228.

9. Наумов А.В., “Уголовное право. Общая часть”, М., “БЕК”, 1996, с. 396.

10. Панов В.П., указ. соч., с. 223.

11. Там же, с. 220.